

ВВЕДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЮ ЯЗЫКОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА¹

Р. Филлипсон

Копенгагенская школа бизнеса, Копенгаген, Дания

Направление социолингвистики, названное языковым, или лингвистическим империализмом, проясняет такой важный вопрос, как роль языковой политики в многонациональных государствах, в особенности привнесение экзоглоссии в языковой ландшафт страны, когда внешний язык становится официальным, государственным языком или повсеместным лингва франка. Концепция языкового империализма обосновывает практику продолжающегося использования европейских языков, принесенных колониальной политикой в Африку и Азию, в качестве средств коммуникации после избавления от прямой колониальной зависимости; роль государственной экзоглоссии в новообразованных национальных государствах и использование ее для проведения западных интересов; маргинализацию национальных субъектов, не владеющих языком метрополии; продолжение эксплуатации бывших колоний через элиту, подвергшуюся аккумуляции и пр.

Ключевые слова: *языковой империализм, глобальный английский, экзоглоссия, язык науки, лингвистид.*

Введение

Наиболее важными объектами изучения в рамках направления языкового империализма (ЯИ) представляются вопросы глобального языка и вопросы существования и процветания полиэтнических и многонациональных государств. Центральным понятием ЯИ является понятие «лингва франка», языка, который используют представители разных национальностей для общения. ЯИ исследует, насколько справедливо и экологично складывается языковая обстановка в результате использования лингва франка, представляет ли он из себя простой инструмент передачи личностных и национальных смыслов или орудие навязывания инокультурных идеологий и средство иерархического социального структурирования общества. Ответы на эти базовые вопросы влекут за собой ответы на актуальные для современности политические вопросы. Является ли в глобализирующемся мире английский язык нейтральным инструментом общения разных народов или инструментом обслуживания англо-американских интересов? Можно ли трактовать корпоративное и военное мировое господство США и возглавляемую ими глобальную неолиберальную экономику как новую форму империи, консолидируемую единым имперским языком и соответствующим понятийным аппаратом? Можно ли рассматривать подавление таких языков, как курдский в Турции или тибетский и уйгурский в Китае, проявлением языкового империализма? Начнется ли с ростом значения Китая

в мире активное продвижение китайского языка на международном уровне и примет ли это новую форму языкового империализма? На эти и другие вопросы позволяет ответить изучение сущности и проявлений языкового империализма.

Термин «империализм» происходит от лат. *imperiū*, что означает «военный и политический контроль доминирующей власти над подчиненными народами и территориями». Панорамная история империй показывает богатое разнообразие ролей, которые язык метрополии может выполнять в покорении народов [16]. В период глобального европейского господства сочетание военной, коммерческой и христианской миссионерской деятельности способствовало трансплантации западных культурных и образовательных норм и языков в культуру других народов [4; 14; 27]. Использование таких терминов, как империализм, вызывает споры, потому что «характеристика чего-либо как имперского или колониального сегодня почти всегда подразумевает враждебность, рассматривается как аморальное и незаконное по сути» [6. Р. 9], хотя у элит, как правило, нет иллюзий по поводу механизма работы империи.

Стратегию Римской империи, захватившей большую часть Европы и Северной Африки, в отношении кооптации покоренных народов глубоко проанализировал Тацит две тысячи лет тому назад: «На смену отвращению к латинскому языку пришло страстное желание овладеть им. Точно так же стала популярной наша национальная одежда — повсюду можно видеть мужчин, одетых в тогу. Британцев постепенно приучили к удобствам, которые делают

¹Перевод авторского текста Р. Филлипсона — Е. В. Шелестюк.

порок приятным, — к аркадам, баням и роскошным банкетам. Они называют такие новшества «цивилизацией», хотя на самом деле эти предметы являются признаком порабощения» [34. Р. 72].

Значение языка в деле колонизации было хорошо известно и в других империях. В 1492 г. королеве Испании Изабелле был представлен план учреждения кастильского языка в качестве основного в королевстве, чтобы использовать его «как инструмент для заморских завоеваний и оружие подавления речи простолюдинов внутри страны». Согласно автору этого плана Антонио де Небриху, «язык всегда был верным супругом империи и навеки останется ее спутником» [7. Р. 34—35]. Во всех империях язык метрополии становился стандартом в системе образования, средством общественного контроля, инструментом выполнения колониальной миссии.

Когда в Европе языком для светских целей стал французский, широко распространилась убежденность во внутреннем превосходстве этого языка. В 1782 г. Берлинская академия провела конкурс на тему, почему французский является «универсальным языком». В победившем эссе утверждалось, что языки, которые не соответствуют синтаксису французского, нелогичны и невняты.

Поддержание лингвистической иерархии, как правило, подразумевает стигматизацию подчиненных языков (в качестве «диалектов», «просторечий»), превознесение доминирующего языка (прославление его превосходства, логической ясности, более богатого словарного запаса) и рационализацию отношений между языками, обосновывающую выгоду от овладения доминирующим языком (доступ к высшей культуре и «прогрессу»). Древние греки с презрением называли людей, не говорящих по-гречески, словом «варвары», то есть иностранцы, бормочущие на чужом языке. Термин «валлийский» (*Welsh*) использовался носителями английского языка для обозначения людей, называющих себя «каймри» (*Cymry*). «Валлийский» на древнеанглийском языке означает «иностранец» или «незнакомый», что является стигматизирующей категоризацией с позиции главенствующей группы и ее языка. Доминирующий язык преподносится как сакральный, язык религии, Бога (санскрит, арабский в исламском мире, голландский в Южной Африке); язык разума, логики и прав человека (французский в период до и после Французской революции); язык высшей этнонациональной группы (немецкий в нацистской идеологии); язык прогресса, модерна и национального единения (английский в большинстве постколониальных дискурсов). Другие языки в по-

добных дискурсах явно или неявно лишаются таких функций и качеств.

Колониальные правительства проводили политику лингвистического, способствующую искоренению исконных языков благодаря систематическому предпочтению им европейских языков в «высоких» функциональных сферах коммуникации — законодательстве, образовании, церковных службах и проповедях, науке и т. д.

Лингвистическая иерархизация наряду с расизмом сыграла важную роль в легитимации колониализма [17]. В настоящее время она продолжается в аргументах тех исследователей, которые в восторженном или хвалебном тоне обсуждают доминирование английского языка в мировом масштабе [2].

Лингвистический геноцид в том виде, как он определяется в дополнении к Конвенции Организации Объединенных Наций о геноциде — насильственная ассимиляция подчиненных этносов этносу с доминирующей культурой и языком, — все еще широко практикуется в современном мире [30]; такую политику также можно рассматривать как преступление против человечности [31].

Экспансия через языковой империализм

Экспансия английского языка, исконной территорией которого была Англия, началась с его распространения на все Британские острова. Акт 1536 г. об унии с Уэльсом повлек за собой подчинение Уэльса «правам, законам, обычаям и речи Англии» [цит. по: 8. Р. 132]. На Британских островах распространялась одноязычная идеология с разрушительными последствиями, труднопреодолимыми, даже несмотря на то, что некоторые кельтские языки сохранились и в настоящее время предпринимаются попытки их возродить. Продолжающаяся маргинализация ирландского языка жестов является еще одним примером языкового империализма [29].

Британская одноязычная идеология была экспортирована в колонии поселенцев в Северной Америке, Австралии и Океании. Президент Теодор Рузвельт писал в 1919 г.: «В нашей стране есть место только для одного языка, и это английский язык». Более дифференцированная политика требовалась в так называемых «эксплуатационных колониях»¹, где климат не позволял заселяться европейцам, таких как Индийский субконтинент и большинство африканских колоний [27].

¹ Эксплуатационный колониализм — это национальная экономическая политика завоевания страны с целью эксплуатации ее населения в качестве рабочей силы, а природных ресурсов — в качестве сырья.

Сегодняшнее влияние английского, французского, испанского и португальского языков в Северной и Южной Америке, Африке, Азии, Австралии, Океании и Тихоокеанском регионе является прямым следствием последовательных волн колонизации и результатов военных конфликтов между соперничающими европейскими державами. За период массовой эмиграции 1815—1914 гг. более 21 млн британцев и ирландцев уехали в колонии: больше всего в США, а также в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку. Подобное, хотя и менее массовое, демографическое движение также было предпринято голландцами, французами, португальцами и испанцами. Массовая миграция в колонии подразумевала право оккупировать территории, как если бы они были незанятыми, необитаемыми. Появился миф о *terra nullius*, который предполагал, что аборигены не имеют права собственности на землю. Целью мигрантов было создание в новых землях точных копий европейских стран, так появились Новый Амстердам (позже Нью-Йорк), Новая Англия, Новая Зеландия, Новая Шотландия, Испания и т. д. Языком *terra nullius* по умолчанию становился язык колонизатора — *lingua nullius*. Любопытно, что и в настоящее время английский язык мошенническим образом «продается» как *lingua nullius*, универсальный мировой язык, уникальный и полезный инструмент для внедрения в образование других стран, поскольку он якобы одинаково хорошо обслуживает все без исключения этносы и нации [24].

Первоначально в миссионерской работе и обучении языки коренных американцев еще использовались. Со временем усилилась конкуренция за территории и ресурсы, участились конфликты между поселенцами и коренными народами, и в образовании утвердился принцип: «единственный шанс преуспеть в деле обучения туземцев обеспечивается тем, чтобы забирать их детей в школы-интернаты и делать из них “англичан по языку, цивилизованных по манерам, христиан по религии”» [33. Р. 152]. В результате такой политики сохранилось очень мало языков, изначально присутствовавших в США, Канаде и Австралии. Это яркие примеры языкового империализма по отношению к языкам меньшинств.

Образование в американских колониях функционировало аналогичным образом. На Филиппинах с 1898 по 1940 г. в школах использовался исключительно английский язык: «государственное образование, особенно обучение языку и литературе, было разработано для прямой поддержки американского колониализма. Объединенная сила канона, учебной программы и педагогики лежала в основе

идеологических стратегий рационализации, натурализации и узаконивания мифов о колониальных отношениях и реалиях» [11. Р. 210].

Французская и Британская империи по-разному формулировали цели колониальной политики, однако их объединяло то, что доминируемые языки имели в них низкий статус, независимо от того, игнорировались они совсем или использовались в первые годы обучения. Анализ связи между языковой политикой во Франции и продвижением французской колонизации свидетельствует о том, что колонизаторы «поглощали» другие языки в процессе своеобразного лингвистического каннибализма, «глоттофагии» [1]. Очень малая часть населения получала формальное образование после младших классов. Местные традиции в области образования игнорировались, образование в целом было неадекватным, неподходящим для местных условий, зато четко проявлялась политика «цивилизаторства» туземцев, причем именно языку колонизаторов приписывались основные цивилизаторские свойства [19. Р. 127—128]. Эти обобщения верны для французской языковой политики, даже если на практике она целенаправленно разрабатывалась *ad hoc* для самых разных ситуаций. Во французских колониях преследовалась цель создания «черной элиты», воспитанной в культурных канонах метрополии, что обусловило использование содержания и методов обучения во французских школах. В Британской же империи языковая политика была еще более однозначна: «английский язык был официальным орудием и волшебной формулой для того, чтобы местные представители могли войти в колониальные элиты» [15. Р. 115].

В СССР в целом, особенно в ранние десятилетия, был демократичный подход к языкам меньшинств, создавались алфавиты и поощрялась письменность, проводилась коренизация управления, образования, печати и литературы на национальных языках. Однако введенное И. В. Сталиным в 1930-х гг. обязательное двуязычное образование считается рядом исследователей шагом к переходу народов СССР к моноязычию на русском языке [26].

В настоящее время политика Всемирного банка, играющего решающую роль в финансировании образования в «развивающихся» странах, демонстрирует языковой империализм колониального и постколониального типов: «В реальности позиция Всемирного банка... способствует укреплению в Африке языков бывших метрополий. ... Похоже, этот орган не считает лингвистическую африканизацию начального образования предприятием, заслуживающим внимания и усилия. Что же

касается высшего образования, то в публикации о стратегиях Всемирного банка по достижению стабилизации и возрождения университетов совершенно не упоминается о месте этнических языков в университетском образовании» [12. С. 39].

В книге «Английский язык в постимперском обществе» под редакцией Дж. Фишмана, А. Конрада и А. Рубала-Лопеса [5] содержится множество эмпирических описаний функций английского языка в разных контекстах: 29 авторов сборника исследовали языковые ситуации в разных странах с тем, чтобы оценить проявление языкового империализма в тех странах, за исследования в которых они отвечали. Все авторы указали на преобладание английского языка в высоких функциональных сферах социальной коммуникации, хотя и не пытались теоретически обосновать это преобладание.

Ученые, которые скептически относятся к языковому империализму как объяснительной модели укрепления позиций английского языка во всем мире, склонны анализировать вопросы так, как будто бы существовал строгий выбор между а) активным продвижением английского языка по миру со стороны США и Великобритании при поддержке ряда лингвистов и политиков национальных государств, выступающих в качестве проводников влияния англоязычного мира и отдающих этому языку первенство перед другими языками, и б) тем, что многие люди из бывших колоний и доминируемых стран сами активно желают изучать английский язык из-за экономических, социальных, политических и культурных привилегий, который дает его знание, из-за «дверей, которые он открывает». Суть подытоживается так, как если бы: а) подразумевало навязывание, тогда как б) предполагало «свободный» выбор [См., напр.: 9. Р. 35—37]. Это ложная дихотомия: ни навязывание, ни желанный выбор не свободны от контекста. Языковому империализму способствует как фактор давления, так и фактор притяжения последний фактор обусловлен преклонением перед мощью и fascinoативным воздействием культуры.

Неолиберализм и глобализация, в которых доминирует Запад, укрепили позиции английского языка [25], но равным образом их укрепило и расширение НАТО [35]. Действительно, всякий раз, когда возникает риск для «жизненно важных интересов» англосаксонского мира, вмешиваются американские военные. Очевидно, что, несмотря на финансовый и экономический кризис 2008 г., который выявил нестабильность Запада, а также возросшее влияние Китая, английский язык до сих пор служит для консолидации интересов сильных мира

сего в глобальном масштабе и на местном уровне. Вместе с тем он служит для поддержания эксплуататорского мирового порядка, который во многом лишает гражданских прав носителей других языков.

В настоящее время сильные позиции англичан в бывших колониях представляют собой продолжение их политики колониальных времен. Эта политика упрочила класс элиты, в результате чего в Индии «за годы после обретения независимости английский язык стал единственным и наиболее важным фактором социально-экономической мобильности... В условиях глобализации экономики английское образование увеличивает разрыв между социальными классами» [13. Р. 268—269].

США и Великобритания активно координировали усилия по продвижению английского как «глобального» языка начиная с 1950-х гг. При этом языковая педагогика, пропагандируемая британцами и американцами, строится на пяти принципах, каждый из которых представляет собой ложный силлогизм: ошибка предпочтительного изучения только одного второго/иностранного языка («ошибка одноязычия»), ошибка необходимости носителя языка в качестве учителя («ошибка носителя языка»), ошибка раннего начала обучения английскому языку («ошибка раннего начала»), ошибка максимального погружения в языковую среду («ошибка максимального погружения») и ошибка, связанная с отказом использования родного и других языков на уроках английского, поскольку это якобы снижает овладение стандартом английского языка («ошибка субтрактивности») [19. С. 183—218]. Эти принципы по-прежнему лежат в основе прибыльного глобального бизнеса по преподаванию английского языка и приводят к отправке множества малоквалифицированных его носителей преподавать английский язык в Азии [22].

Сопrotивление языковому империализму

Вышеизложенная концепция может служить основой для более глубокого изучения вопросов, поднятых изначально в данной статье. Анализ может быть дополнен документами об опыте применения способов противодействия языковому империализму с помощью специально разработанных схем языкового образования [2; 3]. Некоторые критики анализа языкового империализма фактически искажают саму концепцию (например, Blommaert [См.: 12]). Обвинения в том, что этот анализ игнорирует свободу действий языковых субъектов, выступает за чрезмерно структуралистское (грамматико-переводное) обучение второму/иностран-

ному языку и подразумевает, что системы образования не должны формировать компетентных пользователей английского языка [18], являются ложными [20. Р. 15—18]. Также подчеркнем, что изучение языкового империализма не выступает за отдельные языки или против них. Оно стремится проанализировать, как языковой империализм функционирует в тех или иных контекстах, дабы выявить несправедливость или дискриминацию и обеспечить основу для исправления этих следствий империалистической лингвополитики.

Вполне логично, что люди во многих странах хотят развить навыки владения английским языком, однако во многих постколониальных странах это влечет за собой субтрактивное обучение национальным и этническим языкам. Например, следствием того, что образование в Сингапуре осуществляется исключительно на английском языке, является то, что более половины населения в настоящее время использует английский в качестве домашнего языка. Такой эффект может иметь обучение на английском языке, при котором не учитывается необходимость уделять приоритетное внимание родным языкам.

Одним из факторов, способствующих формированию глобальной элиты, является быстрое распространение по всему миру и увеличение числа международных школ, где языком обучения является английский (в 2017 г. таких школ было 8000, в том числе 550 — в Объединенных Арабских Эмиратах и Китае [36]). Большинство выпускников этих школ продолжают обучение в университетах англоязычных стран. Очевидно, что для них укорененность в родных языках и культурах будет слабее, чем идентификация с глобальной экономикой и международной мобильностью.

Что касается стран Северной Европы, то после десятилетий массивного влияния английского языка на высшие и повседневно-разговорные функциональные сферы коммуникации, их правительства пришли к мнению, что повышение уровня владения английским никоим образом не должно снижать роль национальных языков. Этот принцип закреплен в Декларации о североевропейской языковой политике, доступной на восьми скандинавских языках и английском (www.norden.org). Однако принимаемые скандинавскими странами меры носят компромиссный и половинчатый характер, что свидетельствует о фактическом признании англоязычной гегемонии и смирении с ней. Многие университеты Финляндии и Швеции сформулировали языковую политику, направленную на обе-

спечение того, чтобы их выпускники и сотрудники фактически были двуязычными. Будучи учреждениями, финансируемыми государством, университеты несут ответственность за продвижение национальных языков, а как участники международного профессионального сообщества — за продвижение английского и других международных языков, в которых выпускники нуждаются для работы. Однако это хотя бы свидетельствует о том, что указанные правительства осознают опасность негативного воздействия языкового империализма и принимают меры по противодействию ему.

Наконец, кратко остановимся на языковой политике Европейского Союза. Управление многоязычием, осуществляемое в его учреждениях, исключительно сложно. Рыночные силы укрепляют позиции английского языка в государствах-членах, а также в системе администрирования ЕС. Следовательно, существует риск того, что другие языки лишатся своего лингвистического капитала. В этой связи ряд политологов считают Европейский Союз наднациональной структурой имперского типа, языковую политику которой фактически составляет языковой империализм с английским языком на вершине языковой иерархии [23].

Огромный объем научных публикаций на английском языке также служит закреплению его на вершине иерархии языков. Например, ученым из испаноязычного мира, притом что испанский язык занимает одно из ведущих мест в мире по числу говорящих, все чаще приходится публиковаться на английском языке [10], то же касается и исследователей — носителей других мировых языков.

Заключение

В заключение суммируем признаки, свойства и закономерности языкового империализма, которые следует учитывать, производя эмпирический анализ языковой ситуации [19; 20]:

- ЯИ переплетается с другими *системно-структурными проявлениями империализма* — в культуре, образовании, средствах массовой информации и коммуникации, экономике, политике и т. д.
- Следствием ЯИ являются *эксплуатация*, несправедливость, неравенство и иерархия, дающая привилегии тем, кто может использовать доминирующий язык, и ограничивающая возможности тех, кто его использовать не может.
- ЯИ носит *структурный* характер: доминирующему языку предоставляется больше материальных ресурсов и инфраструктурных средств, чем другим языкам.

- ЯИ идеологичен: убеждения (верования), отношения (аттитюды) и образы прославляют доминирующий язык, стигматизируют другой язык (языки) и рационализируют лингвистическую иерархию.
 - Доминирование носит *гегемонистский* характер: оно интериоризируется и рационализируется (naturalized) как «нормальное».
 - Доминирование влечет за собой *неравные права* для носителей разных языков.
 - Использование языка часто бывает *субтрактивным*, владение имперским языком и его изучение в образовании предполагает его закрепление за счет других языков.
 - ЯИ — это форма *лингвицизма*, предпочтение одного языка другим, подобное структурированию общества через расизм, сексизм и классовое разделение. Лингвицизм обеспечивает привилегии носителям стандартных форм доминирующего языка, который становится конвертируемым лингвистическим капиталом.
 - ЯИ неизменно вызывает *споры и сопротивление*.
- Итак, языковой империализм — это реальность, которая проявляется по всему миру в разных контекстах. Для обзора языковых прав во всем мире см. четырехтомник, составленный Т. Скютнабб-Кангас и Р. Филлипсоном в 2017 г. [32].

Список литературы

1. Calvet L.-J. Linguistique et colonialisme: Petit traité de glottophagie. Paris, France: Payot, 1974.
2. Why English? Confronting the Hydra / ed. by P. Bunce, R. Phillipson, V. Rapatahana, R. F. Tupas. Bristol: Multilingual Matters, 2016.
3. Canagarajah S. A. Resisting linguistic imperialism in English teaching. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 1999.
4. Fanon F. Peau noire masques blancs. Paris, France: Éditions du Seuil, 1952.
5. Post-imperial English. Status change in former British and American colonies, 1940—1990 / ed. by Fishman J. A., Conrad A. W., & Rubal-Lopez A. Berlin, Germany: De Gruyter, 1996.
6. Howe S. Empire, a very short introduction. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 2002.
7. Illich I. Shadow work. Boston, MA: Marion Boyars, 1981.
8. Jenkins G. H. A concise history of Wales. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 2007.
9. Kirkpatrick A. World Englishes. Implications for international communication and English Language Teaching. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 2007.
10. Mar-Molinero C. // The handbook of language and globalization / ed. by N. Coupland. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 162—181.
11. Martin I. P. // Englishes in Asia: Communication, identity, power and education / ed. by A. Kirkpatrick. Melbourne, Australia: Language Australia, 2002. P. 201—211.
12. Mazrui A. A. // Race and Class. 1997. No. 38 (3). P. 35—48.
13. Mohanty A. // Imagining multilingual schools. Languages in education and globalization / ed. by O. García, T. Skutnabb-Kangas, & M. E. Torres-Guzmán. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2006. Pp. 262—283.
14. Mühlhäusler P. Linguistic ecology. Language change and linguistic imperialism in the Pacific region. London, England: Routledge, 1996.
15. Ngūgĩ wa Thiong'o // New Left Review. 1985. April/June. P. 109—127.
16. Ostler N. Empires of the word. A language history of the world. London: HarperCollins, 2005.
17. Pennycook A. English and the Discourses of Colonialism. New York, NY: Routledge, 1998.
18. Pennycook A. Critical applied linguistics: A critical introduction. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001.
19. Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 1992.
20. Phillipson R. Linguistic imperialism continued. New York, NY: Routledge, 2009.
21. Phillipson R. The sociolinguistics of globalization by Jan Blommaert. Critical Discourse Studies. 2012. No. 9 (4). Pp. 407—414.
22. Phillipson R. // Journal of Critical Education Policy Studies. 2016. Vol. 14, no. 3 (December). Pp. 80—96.
23. Phillipson R. // Revisiting the European Union as an empire / ed. by H. Behr, J. Stivachtis. London: Routledge, 2016. Pp. 134—163.
24. Phillipson R. // Language Policy. 2017. No. 16/3. P. 313—331.
25. Piller I., Cho J. H. // Language in Society. 2013. No. 42. P. 23—44.

26. Rannut M. // Linguistic human rights: Overcoming linguistic discrimination / ed. by T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson. Berlin, Germany: De Gruyter, 1994. Pp. 179—208.
27. Rassool N. Global issues in language, education and development. Perspectives from postcolonial countries. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2007.
28. Roosevelt T. Letter to R. K. Hurd, January 3. Retrieved August 10, 2011. URL: http://urbanlegends.about.com/library/bl_roosevelt_on_immigrants.htm.
29. Rose H., Conama J. B. // Language policy. 2017. September.
30. Skutnabb-Kangas T. Linguistic genocide in education — or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Erlbaum, 2000.
31. Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. Indigenous children's education as linguistic genocide and a crime against humanity? A global view. Guovdageaidnu/Kautokeino, Norway: Galdu, Resource Centre for the Rights of Indigenous Peoples, 2010.
32. Language Rights in 4 vol. / ed. by T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson. London: Routledge, New York, 2017. (Critical Concepts in Language Studies.)
33. Spring J. The cultural transformation of a Native American family and its tribe 1763—1995. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996.
34. Tacitus. Tacitus on Britain and Germany: A new translation of the Agricola and the Germania / trans. H. Mattingly. West Drayton, England: Penguin, 1948.
35. Templer B. The English Hydra as invader on the post-communist 'new periphery' in Bulgaria / ed. by Bunce [et al.]. 2016. P. 129—141.
36. Wechsler A. The International School Surge // The Atlantic. 2017. no. 5, June. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2017/06/the-international-school-surge/528792/>.

Рекомендуемая литература

37. English-medium instruction in higher education in Europe / ed. by S. Dimova, A. K. Hultgren, C. Jensen. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
38. (Re-)locating TESOL in an age of empire / ed. by J. Edge. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2006.
39. Harvey D. The new imperialism. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 2005.
40. Macedo D., Dendrinos B., Gounari P. The hegemony of English. Boulder, CO: Paradigm, 2003.
41. Mazrui A. A. English in Africa after the cold war. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2004.
42. Phillipson R. English-only Europe? Challenging language policy. London: Routledge, 2003.
43. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. // The handbook of language and globalization / ed. by N. Coupland. Oxford, England: Wiley-Blackwell, 2010. P. 77—100.

Сведения об авторе

Филлипсон Роберт — доктор философии, почетный профессор Копенгагенской школы бизнеса (факультет английского языка), Копенгаген, Дания. rp.msc@cbs.dk

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 143—151.*

INTRODUCTION TO THE CONCEPT OF LANGUAGE IMPERIALISM

R. Phillipson

Copenhagen Business School, Department of English, Copenhagen, Denmark. rp.msc@cbs.dk

The branch of sociolinguistics, called linguistic imperialism, focuses on the ways of and reasons for the dominance of certain languages at the international level and tries to substantiate this dominance theoretically. This branch clarifies such important issues as the role of language policy in empires and states of the imperial type, the implantation of the languages of the metropolises on other continents (as a rule, at the expense of local languages); the continuation of the use of European languages, brought by colonial policy to Africa

and Asia, as a means of communication after getting rid of the direct colonial dependence; the role of the state exoglossia in ensuring national unity within the former colonies or hindering such unity; using exoglossia as a springboard for pursuing Western interests; marginalization of national citizens who do not speak the language of the metropolis; the continuation of the exploitation of the former colonies through their elites, subjected to acculturation etc.

Keywords: *linguistic imperialism, global English, exoglossia, language of science, linguicide.*

References

1. Calvet L.-J. (1974) *Linguistique et colonialisme: Petit traité de glottophagie*. Paris, France, Payot.
2. Bunce P., Phillipson R., Rapatahana V., Tupas, R. F. (eds.) (2016). *Why English? Confronting the Hydra*. Bristol, Multilingual Matters.
3. Canagarajah S. A. (1999) *Resisting linguistic imperialism in English teaching*. Oxford, England, Oxford University Press.
4. Fanon F. (1952) *Peau noire masques blancs*. Paris, France, Éditions du Seuil.
5. Fishman J. A., Conrad A. W., Rubal-Lopez A. (eds.) (1996) *Post-imperial English. Status change in former British and American colonies, 1940—1990*. Berlin, Germany, De Gruyter.
6. Howe S. (2002) *Empire, a very short introduction*. Oxford, England, Oxford University Press.
7. Illich I. (1981) *Shadow work*. Boston, MA, Marion Boyars.
8. Jenkins G. H. (2007) *A concise history of Wales*. Cambridge, England, Cambridge University Press.
9. Kirkpatrick A. (2007) *World Englishes. Implications for international communication and English Language Teaching*. Cambridge, England, Cambridge University Press.
10. Mar-Molinero C. (2010). Coupland N. (ed.) *The handbook of language and globalization*. Malden, MA, Wiley-Blackwell. Pp. 162—181.
11. Martin I. P. (2002) Kirkpatrick A. (ed.) *Englishes in Asia: Communication, identity, power and education*. Melbourne, Australia, Language Australia. Pp. 201—211.
12. Mazrui A. A. (1997) *Race and Class*, no. 38 (3), pp. 35—48.
13. Mohanty A. (2006) García O., Skutnabb-Kangas T., Torres-Guzmán M. E. (eds.) *Imagining multilingual schools. Languages in education and glocalization*. Clevedon, England, Multilingual Matters. Pp. 262—283
14. Mühlhäusler P. (1996) *Linguistic ecology. Language change and linguistic imperialism in the Pacific region*. London, England, Routledge.
15. Ngũgĩ wa Thiong'o. (1985) *New Left Review*, April/June, pp. 109—127.
16. Ostler N. (2005) *Empires of the word. A language history of the world*. London, HarperCollins.
17. Pennycook A. (1998) *English and the Discourses of Colonialism*. New York, NY: Routledge.
18. Pennycook A. (2001) *Critical applied linguistics: A critical introduction*. Mahwah, NJ, Erlbaum.
19. Phillipson R. (1992) *Linguistic imperialism*. Oxford, England, Oxford University Press.
20. Phillipson R. (2009) *Linguistic imperialism continued*. New York, NY: Routledge.
21. Phillipson R. (2012) The sociolinguistics of globalization by Jan Blommaert. *Critical Discourse Studies*, no. 9 (4), pp. 407—414.
22. Phillipson R. (2016) *Journal of Critical Education Policy Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 80—96.
23. Phillipson R. (2016) Behr H., Stivachtis J. (eds.) *Revisiting the European Union as an empire*. London, Routledge. Pp. 134—163.
24. Phillipson R. (2017) *Language Policy*, no. 16/3, pp. 313—331.
25. Piller I. & Cho J. H. (2013) *Language in Society*, no. 42, pp. 23—44.
26. Rannut M. (1994), Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (eds.) *Linguistic human rights: Overcoming linguistic discrimination*. Berlin, Germany, De Gruyter. Pp. 179—208.
27. Rassool N. (2007) *Global issues in language, education and development. Perspectives from postcolonial countries*. Clevedon, England, Multilingual Matters.
28. Roosevelt T. (2011) Letter to R. K. Hurd, January 3. Retrieved August 10. Available at: http://urbanlegends.about.com/library/bl_roosevelt_on_immigrants.htm.
29. Rose H. & Conama J. B. (2017) *Language policy*, September.

30. Skutnabb-Kangas T. (2000) *Linguistic genocide in education — or worldwide diversity and human rights?* Mahwah, NJ, Erlbaum.
31. Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. (2010) *Indigenous children's education as linguistic genocide and a crime against humanity? A global view.* Guovdageaidnu/Kautokeino, Norway: Galdu, Resource Centre for the Rights of Indigenous Peoples.
32. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (eds.) (2017) *Language Rights.* London, Routledge, New York. Series *Critical Concepts in Language Studies*, 4 vols.
33. Spring J. (1996) *The cultural transformation of a Native American family and its tribe 1763—1995.* Mahwah, NJ, Erlbaum.
34. (1948) Tacitus. *Tacitus on Britain and Germany: A new translation of the Agricola and the Germania* (H. Mattingly, Trans.). West Drayton, England: Penguin.
35. Templer B. (2016) Bunce [et al.] (eds.). *The English Hydra as invader on the post-communist 'new periphery' in Bulgaria.* Pp. 129—141.
36. Wechsler A. (2017) *The Atlantic*, June 5. Available at: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2017/06/the-international-school-surge/528792/>.

Suggested Readings

37. Dimova S., Hultgren A. K. & Jensen C. (eds.) (2015) *English-medium instruction in higher education in Europe.* Berlin, Mouton de Gruyter.
38. Edge J. (ed.) (2006) *(Re-)locating TESOL in an age of empire.* Basingstoke, England, Palgrave Macmillan.
39. Harvey D. (2005) *The new imperialism.* Oxford, England, Oxford University Press.
40. Macedo D., Dendrinos B., & Gounari P. (2003) *The hegemony of English.* Boulder, CO, Paradigm.
41. Mazrui A. A. (2004) *English in Africa after the cold war.* Clevedon, England, Multilingual Matters.
42. Phillipson R. (2003) *English-only Europe? Challenging language policy.* London, Routledge.
43. Skutnabb-Kangas T., & Phillipson R. (2010) Coupland N. (ed.) *The handbook of language and globalization.* Oxford, England, Wiley-Blackwell. Pp. 77—100.